

© М. И. Юшманова

НЕПРЕРЫВНАЯ РАБОЧАЯ НЕДЕЛЯ: ЭФФЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ РИТМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: непрерывка, непрерывная неделя, советский календарь, социальное время

В статье рассматривается реакция общества на введение непрерывной производственной недели в СССР в сентябре 1929 г. Людей на производствах и в учреждениях должны были разделить на пять “бытовых групп”, у каждой из которых был свой день отдыха. Таким образом, вместо недели устанавливался непрерывный цикл из четырех рабочих дней и одного выходного. Попытка лишения страны единого выходного дня выявила в т.ч. острую потребность в нем людей и повлекла за собой, на наш взгляд, глубинные изменения, среди которых можно назвать размывание личной ответственности, расслоение в обществе, повышение символической значимости воскресенья. Автор, акцентируя внимание на социальных эффектах реформы и на реакции на нее современников, пытается ответить на вопрос: как отреагировало общество на изменение структуры социального времени, произошедшее не в результате постепенных трансформаций, а утвержденное решением “сверху”?

*Я с первых слухов об этой “непрерывке” (и слово-то какое паршивое!) Гоголя вспомнил и говорил, что “непрерывка” это — “мартобря 48 дня”.
А вчера в газетах календарь с “пустыми, без числа днями”...
“День был без числа!”¹*

24 сентября 1929 г. Советом Народных Комиссаров СССР (СНК СССР) после непродолжительного обсуждения было принято решение о переходе всей промышленности страны и связанных с ней учреждений на непрерывную пятидневную производственную неделю. Вместо традиционной семидневной недели с обязательным выходным в воскресенье вводился пятидневный непрерывный цикл работ без общих выходных. Список организаций, которые должны были перейти на новый график, постоянно расширялся. 30 декабря 1929 г. СНК СССР выпустил постановление о переходе зрелищных предприятий кинопромышленности на непрерывную производственную неделю (НПН) (НПН 1930: 18–19). К началу 1930-х годов практически не осталось неохваченных отраслей: медики, учителя и преподаватели — вся страна должна была отказаться от веками складывавшегося распорядка жизни, перейдя к сплошному, непрерывному ходу дней. Все трудовые коллективы предполагалось поделить на пять групп, каждая из которых имела бы свой день отдыха. Постановлением ВЦИК и СНК от 20 марта 1930 г. были внесены следующие поправки в гражданский и процессуальный кодекс РСФСР: в ряде статей необходимо было «слово “семь” заменить словом “пять”, <...> слово “неделями” исключить, <...> в с. 54; слова “срок, исчисляемый по неделям, истекает в соответствующий

Мария Ильдусовна Юшманова | <https://orcid.org/0000-0003-1022-7172> | maria.ushmanova@gmail.com | независимый исследователь | (Санкт-Петербург, Россия)

Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 8–26. <https://doi.org/10.31857/S086954150005297-6>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

день последней недели” — исключить, <...> слово “двухнедельный” заменить словом “десятидневный» (Собрание узаконений 1930: 190–191). Даже само слово “неделя” должно было считаться пережитком прошлого.

Реформа социального времени имела в своей основе экономические цели: снижение себестоимости, увеличение выпуска продукции и, как следствие, стремительное развитие промышленности в рамках пятилетнего плана. Кроме того, на нее возлагались огромные надежды как на панацею от социальных проблем. Согласно текстам большинства официальных документов непрерывка давала рабочему следующие преимущества: более частый и нормальный отдых; снижение послепраздничных прогулов (нет праздников — нет прогулов); уменьшение пьянства в праздничные дни; уничтожение субботнего и предпраздничного сокращенного рабочего дня, в который производительность труда обычно падала. Наконец, она должна была уничтожить малую производительность труда по понедельникам и после праздников (Лященко 1930: 7).

Задуманная как исключительно экономическая мера, антропологическое изменение эта реформа приобрела после доклада наркома труда Н.А. Угланова (июль 1929 г.). В своем выступлении он показал несвоевременность перехода на новый график. Одним из аргументов стала апелляция к приверженности рабочего старым традициям. Насколько можно судить, именно в этом докладе был впервые затронут вопрос социальной рецепции реформы. С августа 1929 г. в большинстве агитационных материалов по непрерывке уже можно было найти фрагменты, посвященные необходимости ломки старого быта; с конца августа к агитации активно подключился Союз безбожников.

В газете “Безбожник” от 20 октября 1929 г. отмечаются еще две возможные цели реформы — охрана здоровья рабочих и полная отмена всех церковных праздников:

В настоящее время по всему Союзу вводится непрерывная рабочая неделя. В предприятиях, перешедших на непрерывку, вводится пятидневная неделя: четыре дня работы, пятый — день отдыха. Эта реформа, помимо своего колоссального хозяйственного значения, имеет большое значение и в смысле правильного распределения дней работы и отдыха рабочего. Дело в том, что по старому календарю дни отдыха для рабочего определялись, прежде всего, церковью, а именно — они совпадали с церковными праздниками... Они устанавливались в целях одурманивания трудящихся, а вовсе не для охраны их здоровья (Бак 1929: 15).

Если в официальных статьях и брошюрах акцент делался на перечисление экономических благ непрерывки, то в текстах, адресатом которых был, по всей видимости, рабочий, часто рисовали желаемое развитие событий:

Если раньше день отдыха был днем ничегонеделания, взаимного хождения в гости, иногда пьянки и т.д., когда создать обстановку разумного использования отдыха было трудно, т.к. связаны были с общепитом, с рядом товарищей, с семьей и т.д. — и все летело кувырком и ничего не получалось. При непрерывной неделе имеется день отдыха, включенный в трудовой день, он накладывает трезвый отпечаток на того, кто отдыхает в этот день: поскольку все работают, все движется, то и отдыхающий начинает думать — не следует ли и мне сделать что-нибудь полезное (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 7).

Непрерывка должна была раз и навсегда решить проблему непрактичного отдыха, т.к. в выходной такого типа сознание само должно было настраиваться на работу над собой. Как работа теперь была рациональным образом распределена по календарю, так и люди должны были “распределиться” по местам отдыха:

Отдыхающие распределятся по всем дням и смогут использовать средства разумного развлечения, тогда как теперь все отдыхают в воскресенье. Театры, кино, спортивные

площадки, катки, лыжные и лодочные станции — все переполнено до отказа, и приходится либо вставать в очередь, либо отказаться от развлечения (*Сарабянов 1929: 1*).

Введение и бытование непрерывной производственной недели по неизвестным нам причинам не пользуется популярностью у отечественных авторов. Информация о ней если и встречается, то носит справочный характер, часто содержит неточности. Среди зарубежных работ стоит отметить книгу В. Чейза и Л. Сигельбаума “*Worktime and Industrialization in the USSR, 1917–1941*” (*Chase, Siegelbaum 1988*), где анализ экономических аспектов НПН занимает довольно важное место. Можно также упомянуть совсем небольшую статью К. Фосса “*Stalin’s Topsy-Turvy Work Week*” (*Foss 2004*), полностью посвященную переходу на пятидневную непрерывную неделю. Автор небезосновательно полагает, что с помощью введения нового графика советское правительство пыталось максимально задействовать трудовые ресурсы. Публикация К. Фосса базируется на открытых источниках. В некоторых работах введение непрерывной производственной недели упоминается как факт, однако не занимает в них центрального места и не рассматривается подробно (*Zerubavel 1977; Stites 1989*).

В данной статье я сознательно обхожу вниманием общий ход и экономические результаты реформы, т.к. это отдельная, не менее интересная тема исследования, и перехожу сразу к ее оценке, реакции на нее современников и общественным эффектам. Основной вопрос данной работы: как отреагировало общество на изменение структуры социального времени, произошедшее не в результате постепенных трансформаций, а утвержденное решением “сверху”?

Реформа задела две из трех основных характеристик социального времени, поставив под угрозу согласованность социальных интеракций. Непрерывка должна была превратить время в монотонный поток, замирающий только на пять дней в году (пять революционных праздников). Соответственно только в эти дни люди могли почувствовать себя единым сообществом. Безусловно, и до реформы все существовали в рамках разных графиков, работая (или не работая вовсе) на разных условиях. Да и на более глобальном уровне в обществе, как правило, всегда было несколько календарей, имеющих разные сферы функционирования либо играющих специфическую роль в повседневной жизни. Однако связь и координация между ними налаживались десятилетиями и даже веками, т.е. они действовали согласованно. Над этими частными “временами” всегда существовало единое для всех общее институциональное время, с которым можно было сверяться, — непрерывка же разрушала его. Эффекты такой деформации, наличие их или отсутствие, интересуют меня в рамках данного исследования более всего.

Большое влияние на направление обработки мной материалов оказала работа М. Рольфа “*Советский массовый праздник в Воронеже и центрально-черноземной области России 1927–1932 гг.*”. Автор не касается напрямую непрерывки, он рассматривает, насколько эффективными и успешными были попытки властей с помощью тщательно прописанных сценариев празднеств донести до народа новые принципы жизни. В центре его исследования «та ипостась праздника, которая являлась “средством власти”». С помощью праздников государство пыталось “привить” культурные стандарты и политические догмы широким слоям общества» (*Рольф 2000: 15*). Однако представляется, что вывод, который делает М. Рольф на основе разного типа документов, может стать ценной отправной точкой и для данной работы:

...заложенная в праздничной программе многовариантность предоставляла возможность для объединения официальной культуры праздников с потребностями общества. При этом восприятие участниками новых культурных стандартов происходило избирательно и приводило к непреднамеренному и непредвиденному искажению задач официальной культуры (*Рольф 2000: 72*).

Такой взгляд на взаимоотношения власти и объекта ее воздействия позволяет подняться на более высокий уровень обобщения и провести параллель с работой М. Серто “Изобретение повседневности”, в которой речь идет как раз о тактиках взаимодействия и работы с предписываемыми правилами. Ситуация, находящаяся в центре моего внимания — попытка законодательно изменить продукт коллективных представлений (т.е. социальное время), — может быть уложена в систему, которую обрисовывает М. Серто, где подвластные, «задействуя господствующую культурную экономику и находясь внутри нее, “производят” бесчисленные и мельчайшие изменения ее закона, исходя из своих собственных интересов и правил» (Серто 2013: 42).

Несмотря на ограниченный объем статьи, нельзя обойти вниманием описание источников, на которых базируется работа, т.к. в силу удаленности проблемы во времени такие очевидные методы, как интервьюирование, анкетирование и наблюдение, оказываются недоступными. Наиболее информативным стал, безусловно, комплекс архивных материалов: была проведена работа в фондах Народного комиссариата труда и Правительственной комиссии по непрерывной неделе (Государственный архив РФ); обработан ряд документов профсоюзных организаций, обнаруженных в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, в т.ч. несколько ценнейших стенограмм протоколов; изучены соответствующие материалы в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Наибольший интерес представляли еще не вычитанные редактором стенограммы совещаний и черновые записи докладов. Иногда сами правки служили важным источником информации. К примеру, в стенограмме заседания Правительственной комиссии по непрерывке была обнаружена фраза одного из участников, выражавшая опасение “пустить страх перед рабочими” из-за нового графика (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 583), т.е. возможная реакция людей беспокоила руководство. Однако вместе с прочими довольно ценными наблюдениями это замечание было решительно вычеркнуто.

Самым обильным источником информации служит, безусловно, пресса. Отдельный относительно однородный кластер материалов составляют официальные материалы, взятые из газет “Правда” и “Экономическая жизнь”. К ним примыкают брошюры, посвященные непрерывной производственной неделе. Угол зрения, под которым эти источники позволяют посмотреть на проблему, представляется одинаковым. Совершенно обезличенные тексты служат прекрасным материалом для оценки того, как должны были идти дела в советском государстве. При этом в рамках данной работы эти публикации играют важную роль, т.к., предоставляя “правильные ответы”, они вполне позволяют вскрыть те вопросы, которые повседневность задавала человеку, а человек — вышестоящим органам. Заметки в “Правде” имеют предельно общий характер. Большинство из них не показывает реального положения вещей, делая упор на радужные перспективы. Проблемы устраняются “рационализаторскими мероприятиями”, а не конкретными действиями. Наиболее часто встречаются обороты “надо”, “необходимо”, “должно быть сделано”, нередко используется будущее время. При этом именно в подобных источниках можно найти отголоски реальных проблем, вызванных реформой. Они никогда не являются смысловым центром статьи, иногда (особенно это касается “Правды”) невозможно сказать, что конкретно произошло. К примеру, статья начинается с заявления: “Должно быть обеспечено действительное соблюдение дня отдыха для всех работников учреждений” (Ларин 1929а: 5). Из этого становится вполне очевидным, что проблема несоблюдения дней отдыха имела место, причем в таком масштабе, что привлекла внимание на самом высоком уровне. Периодически именно в этих источниках можно встретить голос реального действующего лица — рабочего. Например, в выпуске за 13 января 1930 г. приведены мнения представителей разных заводов.

Сомневаться в их подлинности, скорее всего, не стоит, т.к. с точки зрения композиции статьи они опять же находятся не в центре, а служат отправной точкой для воодушевляющих воззваний и иллюстрацией приверженности несознательных членов общества старому быту. В размещении мнений рабочих в таком контексте, видимо, был смысл: заметки являлись официальной версией ответа на существующие проблемы и жалобы, поэтому последние действительно должны были быть максимально приближенными к реальности. Отдельный неоднородный блок представляют собой заводские многотиражки, на фоне прочих периодических изданий они являются наиболее ценным материалом. В данном случае объединяющим моментом служит максимально возможная для прессы приближенность к своей аудитории. При этом содержание, структура, стиль издания, очевидно, полностью зависят от энтузиазма главного редактора.

При работе с источниками личного происхождения — воспоминаниями и дневниками — необходимо было учитывать, кем является автор и в расчете на какого читателя (если читатель в принципе подразумевался) он создавал данный текст. Мемуары часто занимают второстепенную роль в ряду источников, однако в контексте моей работы они являются ценным звеном, т.к. представляют собой редкие фрагменты “живого” слова современника событий. Кроме того, как будет показано ниже, наличие или отсутствие упоминаний именно в мемуарах, а не в дневниках также можно расценивать как материал. Помимо случайно обнаруженных и рекомендованных коллегами, тексты были взяты из “Всероссийской мемуарной библиотеки”. Проводилась работа с базой данных “Воспоминания о ГУлаге и их авторы”², откуда было отобрано 34 фрагмента с описанием событий, произошедших в интересующий меня временной период; 11 ценных дневников было найдено с помощью проекта “Прожито”³.

Первый вопрос, на который мы попытаемся ответить: как отреагировали люди на радикальное изменение системы распределения рабочего времени? Данные говорят о глобальной растерянности. Одни из самых частотных слов, появляющихся в документах после введения НПН на производствах и в учреждениях, — “путаница”, “нестыковка” и т.п.

На местах полное *непонимание* и *неразбериха* вопросов, связанных с введением непрерывной недели. Нужны серьезные указания, и для этого ЦК партии рассылает целые группы работников на места, чтобы провести это дело (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 35; курсив мой. — М.Ю.).

...пойдите в московский автобусный парк, что там делается. Ни один рабочий не знает, когда он будет гулять. Все рабочие как один ругаются. В результате что делается. Директор ходит и пожимает плечами (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 137).

Ввиду того, что при переходе на НПН на местах по ряду вопросов наблюдается *неясность*, *непонимание*, а иногда и *путаница*, просить коллегию НКТ СССР командировать ряд работников для проведения разъяснительной работы (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 150; курсив мой. — М.Ю.).

Упоминания о подобных командировках “на места” встречаются в документах достаточно часто.

На бумаге рабочее время не менялось, а количество выходных даже увеличивалось, однако общий тон реакции на НПН вполне уверенно можно назвать негативным. Приведем спектр артикулированных оценок, демонстрируемый источниками. Не удалось найти ни одного определенно положительного отзыва. Все мнения распадаются на несколько блоков: изменения оцениваются как увеличение нагрузки на рабочих (“порабощение”, “закабаление” и пр.); реформа называется интересной, но непродуктивной, не оправдавшей себя (без акцента на “закабаление”), и — самая

распространенная точка зрения — НПН рассматривается исключительно как часть антирелигиозных мероприятий. Последний блок включает огромный массив материалов. Чаще всего это безапелляционные мнения, их выразители даже не предполагают альтернативных вариантов. Действительно, проблемы, возникшие у религиозных организаций в связи с отменой общего выходного, были очень заметны. И часто именно со стороны верующих можно было наблюдать самое организованное и массовое сопротивление:

...мы уже сейчас имеем факты бешеного сопротивления церковников введению непрерывной недели <...> Уже и сейчас можно услышать разговоры на тему о том, что введение непрерывной производственной недели — это замаскированное гонение на церковь, на религию, что такое богохульное дело (ведь сам бог почил в седьмой день от дел своих) только и могут совершить безбожники-большевики. Это говорят враги социалистического строительства (*Олещук* 1929: 4).

Вопрос о том, действительно ли непрерывка была введена в основном как антирелигиозная мера, крайне интересен. В случае отрицательного ответа можно будет судить о некоторых закономерностях восприятия людьми изменений социальной реальности. Рассмотрим эту проблему чуть более подробно. Борьбу с религией называют основной причиной введения непрерывной недели не только те, кто непосредственно столкнулся с ней. Такой вариант мотивации сохранился и в воспоминаниях людей, не достигших к тому времени трудового возраста и наблюдавших за внедрением НПН со стороны. Так, писатель Б. Васильев, который в момент проведения реформы был младшим школьником, пишет о ней так: «...не воскресений, а общевыходных, что в те времена было совсем не одно и то же. В стране шла яростная борьба с религией, сильно смахивающая на “охоту за ведьмами” <...> суть в том, что в календаре усмотрели нечто церковное, а посему вместо привычных недель ввели пятидневки» (*Васильев* 2003: 38). Эта версия встречается и в теоретических работах (см., напр.: *Zerubavel* 1985). Особенно откровенно ее подчеркивали зарубежные издания: “Одни газеты, комментируя непрерывку, стараются изобразить ее как несуразицу, как новую выдумку большевиков, либо как маневр в целях удара по религии” (*Шейнман* 1930: 21). Орган эмигрантов-меньшевиков “Социалистический вестник” № 16–17 (11.09.1929) поместил статью С. Шварца “Непрерывное производство и рабочий день”: “Это принудительная борьба с религией, а принудительная борьба ведет к всеобщему одичанию” (*Шейнман* 1930: 24).

Однако любопытно отметить, что антирелигиозные мотивы введения НПН появились далеко не сразу. Так, в “Тезисах для докладчиков и актива”, опубликованных в июле 1929 г. (еще до официального объявления о переходе на НПН), перспективе работать в религиозные праздники противопоставляется лишь “сознание большой пользы, принесенной всему государству согласием взять на себя обязательство не прогуливать свои часы” (*Ларин* 1929б: 3). Борьба с религией не упоминается в этой заметке вообще. При работе с архивными материалами Правительственной комиссии по вопросам прерывной и непрерывной рабочей недели при СНК СССР также не удалось отметить какого-либо интереса организаторов “мероприятия” к антирелигиозной агитации. В обсуждениях речь идет в основном об экономических плюсах и минусах реформы, ее авторы явно не планируют никакого антирелигиозного эффекта⁴. При внимательном просмотре газеты “Безбожник” (основное периодическое издание Союза воинствующих безбожников) оказывается, что заметки о НПН начинают появляться не раньше августа 1929 г. В то же время в центральных изданиях уже в июле началась достаточно активная агитация за новый распорядок⁵. Таким образом, мы видим, что изначально непрерывка, скорее всего, не планировалась как антирелигиозное мероприятие. Об этом свидетельствуют центральные периодические издания, архивные материалы, касающиеся подготовки

реформы, и брошюры для агитаторов. Мотив борьбы с религией появился в официальных текстах, связанных с НПН, спустя довольно длительное время после принятия решения о ее введении.

Историческая память настойчиво артикулирует связь непрерывки и антирелигиозной кампании, отмечая (забывая) все экономические составляющие реформы. В реальности же, скорее всего, ничто кроме стремительного роста валовой продукции и желания “обогнать и перегнать” Запад не стало бы достаточно веской причиной для столь радикальной ломки социального времени. Практически единогласная и при этом не соответствующая действительности интерпретация действий власти может служить интересным материалом для анализа реакции общества на изменения. Необычное явление, нарушающее привычный порядок вещей, было наделено хотя и пугающими, но понятными чертами. Оно встроилось в картину мира таким образом, что человеку не было необходимости менять свои изначальные настройки. Реформа с ее пафосом борьбы за новый быт как раз предполагала противоположное, но, как и в случае с массовыми праздниками (см.: *Рольф* 2000), люди прочитали в сообщении “сверху” не то, что было отправлено.

Рассмотрим, как действовали люди в новых условиях. Иногда в документах говорится о демонстративных отказах от работы. Среди таких упоминаний заметка “Переход”, опубликованная в “Правде” за 5 декабря 1929 г. (Переход 1929). Заметка представляет собой драматический рассказ о том, как рабочие саботировали переход на новый график (бросали в машины гайки), провозглашали лозунги типа “Даешь соревнование на поломку машины” и даже избili женщину — передовика производства. Брошюры, призванные ликвидировать безграмотность в вопросах непрерывной недели, также упоминают отказы от перехода — иногда безмолвные (*Амурский* 1930: 3), иногда более артикулированные: «Рабочие с несчастными лицами подходили в субботу к мастеру и наперебой просили себе замену. Придумывались всякие причины: “...больная жена”, “...ребенок при смерти”, “...мать или брат приезжает с родины на один день”, “...завтра футбольные состязания, я там главный участник — сорвется игра”» (*Громов* 1929: 32). В одном из текстов приводится следующее рассуждение: “Не надо сопротивляться непрерывке. Все равно не послушают и перейдут. Зря на себя внимание обратите. Надо работающим на одной фабрике сговориться и, разбившись на группы в 5–6 человек, прогуливать в религиозные праздники по очереди” (*Крайнюк* 1930: 27). Из всего этого можно сделать вывод, что, во-первых, какая-то часть рабочих прямо говорила о своем неприятии НПН, во-вторых, количество несогласных было внушительным. Задача автора брошюры была, конечно, не в том, чтобы представить отчет о реакции на нововведение. Однако намерение дать отпор самым ярым противникам (или наиболее сомневающимся) заставило его привести реальную цитату. Далее в тексте следуют пассажи, разъясняющие читателю, как следует реагировать на такие заявления. Даже в том случае, если цитата не прямая, а переданная с некоторыми искажениями, тот факт, что она достойна упоминания в рекомендованной к ознакомлению литературе, свидетельствует об актуальности проблемы.

Одной из самых распространенных форм реакции на новый график стали банальные прогулы. Официальные отчеты пестрели данными по прогулам в праздничные и воскресные дни:

По ряду предприятий кривая прогулов дала скачок вверх в дни 25 и 26 декабря и 1 января, по некоторым заводам в первое после перехода время процент неявок был выше в воскресные дни... (ЦГА СПб 1. Д. 88. Л. 22–23об).

На большинстве заводов и фабрик в связи с пасхой прогулы значительно увеличились, причем на многих предприятиях количество невыходов на работу в несколько раз превысило среднее количество невыходов в другие дни... В отдельных случаях 20-го апреля наблюдался также уход с работы (ГАРФ 1. Д. 11. Л. 47, 159–174).

Информация о прогулах просачивается и в официальную прессу:

...Однако осуществление непрерывной недели было омрачено резко возросшими прогулами в воскресные дни. Вместо обычных 100 человек на работу в эти дни не выходит 200 человек, и лишь в последнее время эта цифра упала до 140 (ЭЖ 1: 2).

С первых же дней работы выхождаемость заметно упала. Если в июне не вышло на работу без уважительных причин 350 человек, а в последнем месяце до перехода 250 человек, то за 25 проработанных дней в августе шахта имеет 800 невыходов угольных и остальных подземных рабочих (ЭЖ 2: 2).

В противоположность прогульщикам значительное количество работников перестало использовать свои выходные дни вообще, т.к. их некому было заменить. В некоторых случаях путаница достигала пугающих масштабов:

На шахте Лотиково с момента перехода на непрерывку рабочие и технический персонал не пользуются даже днем отдыха, так как нет людей для подмены. Календарная система выходов не была совсем разработана. Карточки для рабочих писались в день прихода. В результате почти на всех шахтах, а в особенности на шахте № 4 по 40–50 человек не выходило на работу, так как шахуправляющий и десятники носили карточки в кармане. На шахте № 4 отдельные рабочие приходят и уходят, когда хотят... на шахте № 5 “Дельта” нет Красных уголков и часть рабочих непрерывно играет в карты (ГАРФ 1. Д. 11. Л. 108–110).

В фонде Секретариата СНК по рассмотрению заявлений и жалоб (ГАРФ 2: 36) нашлось анонимное эмоциональное письмо, где среди прочего есть такой фрагмент: “Завели непрерывку для большей эксплуатации. Днями отдыха почти не кто не пользуется, а если и захочет использовать, то его посылают на субботник. Теперь никаких праздников и отдыхов рабочие и служащие не знают”. Письмо было отправлено на имя председателя СНК СССР А.И. Рыкова и получено, судя по штампу, 10 ноября 1930 г.

К 1931 г. ситуация достигла такого накала, что предприятия по собственной инициативе переходили на прерывную (но все еще пятидневную) рабочую неделю, игнорируя указания правительства: «Над непрерывкой господствует оппортунистический самотек, а в ряде случаев непрерывка просто фальсифицируется: выходные дни для целых цехов (Красное Сормово), выходные дни вместе с рабочими для станков, благодаря чего пятая часть оборудования “отдыхает”» (ЦГА СПб 2. Д. 226. Л. 4–6). И в ГА РФ, и в ЦГА СПб нашлась масса документов о таких самовольных переходах. Таким образом, правительственное указание неожиданно начали игнорировать уже на уровне организаций.

Выше речь шла о явных реакциях и высказанных оценках, теперь мы обратимся к более глубинным процессам — эффектам непрерывки. Наиболее важным и ярким эффектом НПН стала так наз. обезличка, размывание личной ответственности в широком смысле этого слова. Проблема во многом была связана с дефицитом квалифицированных рабочих, инженеров и руководящего состава, на которых новый график отражался наиболее болезненно. Их, очевидно, недостаточно было и до непрерывки, но после ее введения нехватка кадров приняла угрожающие масштабы. Заменить специалистов было крайне сложно, если вообще возможно, поэтому в результате они либо работали вообще без выходных, либо на время их отдыха останавливалось все предприятие. Вопиющий пример ситуации, связанной с непрерывной неделей: “Этот случай следующий. Откомхоз заявляет Электроток: сегодня вечером нужно включить электричество на Васильевском острове по рабочему району. В Электроток говорят: инженер, который ведает этим трансформатором, гуляет. В результате район остался неосвещенным” (ЦГА СПб 1. Д. 88. Л. 23–23об).

Можно привести множество ситуаций, касающихся проблемы квалифицированных работников:

Вопрос о переходе на непрерывку был нами всесторонне обсужден и обдуман. Мы перешли на непрерывку 10 ноября. Работали мы 2,5 месяца. В итоге у нас получились колоссальные неувязки, неудобства, заторы во всем нашем деле. Сегодня нет одного, завтра другого руководящего работника и никаким чортом работу не свяжешь, не проведешь до конца;

Я должен сказать про себя, что в течение четырех с половиной месяцев я имел только 3 выходных дня. Другие мои товарищи то же самое. Тов. Медведев говорит, что мы не доверяем заместителям. Все вопросы иногда нельзя давать. Есть такие вопросы, которые нужно обязательно самому решать. Сам не поедешь — ни черта не получается (ЦГА СПб 1. Д. 88. Л. 26).

Здесь мы можем видеть, как руководство пытается игнорировать проблему, призывая “не бояться замещений”. Однако, во-первых, как следует из цитаты выше, доверять можно не все. Во-вторых, те работники, которых директивно все же заставляли исполнять обязанности отгуливающих инженеров, не получали дополнительных денег, что не могло не сказываться на их желании включаться в работу.

Тяжело приходилось всем, вне зависимости от ступени иерархической лестницы, на которой они находились. Вот пример абсурдной ситуации, которая тем не менее была описана в официальном документе:

Зав. отделом ГВПУ (Главного военно-промышленного управления (!). — *Примеч. М.Ю.*) т. Устинов должен был с членом правления РУЖ т. Рубаном согласовать вопрос о ссуде РУЖу с управляющим московской конторой Госбанка т. Скосоревым и затем с членом правления Госбанка т. ...

1-й день. Т. Устинов с Рубаном отправились к Скосореву, а от него в Госбанк все троим к члену правления т. ... Но у товарища... оказался выходной день.

2-й день. Выходной день был у т. Скосорева, и вопрос был отложен.

3-й день. Выходной день был у старшего инспектора Госбанка, ведающего РУЖам, почему и не был разрешен вопрос о ссуде.

4-й день. Выходной день у т. Рубана.

5-й день. Выходной день у т. Устинова (ГАРФ 1. Д. 11. Л. 208об).

В данном случае к самому обществу попытались применить принцип “непрерывки”: уничтожить очевидное неравенство квалификаций и специализаций, вписать всех в единую сетку, создать условия всеобщей взаимозаменяемости. Например, стоит обратить внимание на реакцию, вызванную информацией о неиспользовании выходных:

Выходные дни не соблюдаются ответработниками. Коллективу надо *провести борьбу* с неиспользованием выходных дней. Этот момент — источник переработки. Переработка имеется и у группы технических работников, иногда по своему нежеланию уходить с работы или по другим причинам... Неиспользование выходных дней дает повод к нарушению труддисциплины. В целях сохранения и поднятия трудовой дисциплины надо добиваться использования выходных дней. Надо добиться, чтобы ребята отказались от принципа незаменимости. Если мы не сумеем провести это — мы будем иметь утомившихся, неразвивающихся работников (ЦГАИПД. Д. 36. Л. 39; курсив мой. — *М.Ю.*).

Отказ от выходных дней, как ни странно, оказывался не менее предосудительным, чем прогулы.

Само понятие специалиста как человека до какой-то степени уникального, выделенного из общей массы начало расшатываться. Официальные брошюры призы-

вали ликвидировать недостаток квалифицированных работников с помощью срочного обучения более-менее способных новичков. Судя по архивным материалам, программа такого обучения страдала той же болезнью, что и все общество в тот момент, — непрерывкой. Сохранились документы, в которых сообщается о невозможности выполнения задачи срочного повышения квалификации, ввиду того что рабочие имеют выходные в разные дни. В результате “...браку стало больше, брак увеличился. Отчего это произошло? От того, что потребовалась рабочая сила и вместо рабочих пятого разряда работали рабочие 3-го разряда, и они портили продукцию” (ГАРФ 1. Д. 5. Л. 32). Получалось, что увеличение брака предпочтительнее бережного обращения с квалифицированными кадрами. Их ценность совершенно иррационально подвергалась сомнению, что вызывало недоумение людей. Н.В. Шапорина в дневниковой записи от 16 июня 1930 г. приводит рассказ одного из своих соседей, рабочего Васильева, отлично иллюстрирующий сложившуюся ситуацию:

Наш сосед, милый Васильев, рассказывал мне, что он теперь иногда до двух часов ночи ездит по округу, починая машины новоиспеченных рабочих. Их было на здешней механической базе более 150 человек учеников. Весь май они возили тракторы и катки перед нашими окнами. Вся эта молодежь, девицы и парни, ходили, обнявшись, за катками или лежали на солнышке. Затем они кончили учебу, их выпустили на работу, и они ломают все машины. А настоящие техники из сил выбиваются (*Шапорина* 2012: 94).

При существующем порядке выбор, какую сторону принять (тех, кто не уходит с работы, или тех, кто на нее не приходит), никак не контролировался “сверху”. Как это ни абсурдно, из различных протоколов и стенограмм заседаний следует, что на жалобы ответственных работников, которые физически не могли более работать без выходных, неизменно отвечали, что дело просто в плохой организации процесса замещения. Таким образом, в некоторых случаях успешность работы предприятия или цеха зависела от выбора инженера или руководителя: соблюдать ему график или пожертвовать отдыхом ради результата. Причем артикулирование этой ответственности порицалось.

На производстве, по всей видимости, постепенно росла безответственность, вызванная возможностью свалить вину за поломку на человека, работавшего на станке ранее. Существовали так наз. скользкие бригады (“прыгунчики”, “бегунки”, “скользуну” и пр.) — смены, которые каждый день работали на новом рабочем месте, подменяя тех, у кого по непрерывке был выходной. Стало невозможно отследить, кто именно в ответе за какую-либо поломку или неисправность. “Как же так? Я работаю на станке и за него отвечаю. А тут в моем отсутствии на нем будет работать кто-нибудь другой. Кто же отвечать будет?” (*Кремлев-Свэн* 1930: 18). Эта жалоба рабочего является наиболее характерной и показательной в данной группе реакцией. «Машины любят “ласку”, уход, — раньше, бывало, натрудишься неделю, а в воскресенье обхаживаешь машину, ремонтируешь ее и уж до тонкости знаешь все ее болезни и капризы, а теперь на пятый день чужому человеку сдаешь, да неопытному, — от этого и поломки. Народу знающего в цехе мало, все молодые приходят» (*Массы* 1930: 4). Опытные же работники не могли нести ответственность за то, что невозможно было проконтролировать, и уставали от этой ситуации. В результате даже руководство начало всерьез беспокоиться об “износе кадров”. Раздавались призывы “бороться с неиспользованием выходных” и добиваться их использования. Однако, как именно нужно было это делать, в документах, как правило, указано не было.

Проблема бесконечного (кстати, непрерывного) рабочего времени специалистов была одной из самых озвучиваемых на Всесоюзном совещании по непрерывной не-

деле. Первым этот вопрос поднимает сам Ю. Ларин: “За 2–3 месяца мы имеем сведения по целому ряду предприятий, что заводский треугольник — секретарь ячейки, председатель завкома и директор — отдыхает примерно раз в месяц” (Стенограмма 1930: 71). Далее представительница промышленности Северного Кавказа подтверждает, что “руководящий состав совершенно не отдыхает, изматывается, истощается”, ее поддерживает и Иваново-Вознесенск: “Здесь уже отмечалось, что товарищи, работающие в профорганизациях, не пользуются выходным днем. Это действительно так, и у нас, к сожалению, это наблюдается”. Подобные жалобы встречаются и в официальных публичных документах, и в протоколах и стенограммах различных совещаний.

Из-за сбой ритма социального времени ответственность утрачивалась не только в производственных отношениях. Важнейшим следствием непрерывки стала угроза разрушения существовавших социальных связей. Из-за несовпадения выходных оказалось сложно проводить время с семьей, с друзьями, возникли проблемы с устройством личной жизни:

Взмолились работницы, так как семейное хозяйство шло вкривь и вкось, а обещанные фабрики-кухни, которые должны были заменить семейное питание общественным, возникали (если вообще возникали) крайне медленно, да и лишь кое-где (*Дьяконов* 1995: 176);

— А што хорошего-то? Ишь, надоумило какую штуку придумать! К чему эта самая непрерывка? <...> — Теперь и за город не съездишь, — отдышали свежим воздухом! С “симпатией” не прогуляешься, как бывало, в тени под кудрявыми липами. <...> — И праздник не справишь, как раньше. Одному без гостей, какой же тут праздник... (*Громов* 1929: 51–52).

Это наряду с отнесением НПН к антирелигиозной деятельности стало самым распространенным источником lamentаций. Подобные тексты исходят от представителей разных классов:

Вернувшись на работу, узнала неприятную новость — ввели шестидневку⁶. Хотя день отдыха был теперь каждые пять дней, вместо прежних шести, но зато у нас с мужем перестали совпадать свободные дни. То же происходило и у наших знакомых. Собираться вместе стало еще трудней. Обязательно кому-нибудь на другой день приходилось работать. Наши встречи свелись к государственным дням отдыха: 1-е мая, 7-е ноября, Новый год (*Скрябина* 1994: 80).

Выпустили календари с пятью цветами. Считалось, очень удобно каждому запоминать свой цвет и цвет приятеля. Правда, в памяти всего не удержишь: у Алексея Бобринского выходной — зеленый, у Сергея Голицына — красный, а у меня — синий, у моего брата — фиолетовый (*Раевский* 2005: 363).

В обеденный перерыв я зашел к моим приятелям, которые обсуждали встречу Нового года. Но какая может быть встреча при непрерывной неделе, да вдобавок это считается “буржуазным предрассудком” (Там же: 402).

Сложность координации отмечается во всех типах источников, начиная со стенограммы первого совещания по непрерывке: “Сильно мешает всей работе отсутствие единого общественного календаря (вплоть до того, что из-за этого срываются собрания)” (Стенограмма 1930: 36), заканчивая личными дневниками:

Служащий из Гиза рассказывал, что из-за “пятидневок” при “непрерывке” их комиссия по службе не может больше встречаться, собираться: “Гуляют” ведь теперь в разное время. Все это было бы очень занято, если бы отвечало какому-то органическому переустройству жизни, теперь же все очень похоже на “Как ни садитесь”... (*Пришвин* 2004).

Так, в воспоминаниях Дьяконова непрерывка в целом оценивается положительно как признак превосходства социалистической экономики над капиталистической, но тут же следует оговорка:

К сожалению, “пятидневка” была еще и “непрерывкой”, — общие выходные дни были отменены, календари выпускались разноцветные — каждый день пятидневки имел свой цвет, и каждый работающий имел свои выходные в дни какого-нибудь одного цвета, — и все в разные; это создавало множество неудобств, когда нужно было кого-нибудь найти на работе и, главное, разобщило людей в их свободное время; но газеты печатали статьи о вреде глупого обычая ходить друг к другу в гости в определенные дни недели (*Дьяконов 2005: 175–176*).

Необходимость предоставлять семье единый день отдыха постоянно фигурировала в различных отчетах и на совещаниях. Однако постановление Комиссии при Совете труда и обороны (СТО) от 16 марта 1930 г. “Об упорядочении работы предприятий и учреждений, перешедших на НПН” сообщает, что, хотя заявления людей о предоставлении выходных дней в одни дни с семьей должны учитываться, делать это нужно ни в коем случае “не в ущерб интересам работы предприятия и учреждения” (НПН 1930: 29). Легко предположить, что эта оговорка снимала всю ответственность с руководства за разницей в днях отдыха. Сложности в распределении времени были не просто техническими — теоретически ничто не мешало встретиться людям вечером после работы. Проблема оказалась глубже: отсутствие единых дней отдыха не давало возможности почувствовать себя общностью, частью целого.

Непрерывка выявила начало любопытного расслоения в обществе. Попытка создать равномерную, хорошо управляемую социальную массу “непрерывно трудящихся” обернулась тем, что часть людей “сгорала” на рабочем месте, месяцами не видя семью и не отдыхая, а часть, уходя на отдых согласно расписанию, тормозила работу целых предприятий. В любом случае это был выбор, зависящий исключительно от добросовестности человека. Источники сообщают, с одной стороны, об отказах работать, сплетнях, хулиганстве на производстве, а также о том, что наиболее распространенным было мнение о НПН как о новом способе закабаления рабочих, с другой — о жалобах тех, кто хотел бы работать, поднимать производительность, однако в сложившейся ситуации делать это не может из-за невыносимых условий. Последнее характерно в большей степени для квалифицированных, опытных рабочих и специалистов. Чтобы более четко обозначить это расслоение, представляется, что нам нужно обратиться к еще одному, довольно нехарактерному типу информации — к “молчанию источников”.

При работе с документами личного характера было отмечено крайне редкое упоминание нового графика людьми, которых непрерывка совершенно точно должна была коснуться, — инженерами и рабочими. Так, “Записки инженера” В.Э. Спроге не дают информации, хотя производственный процесс описан в них достаточно детально. Материалы фонда Комиссии Истпарта⁷ содержат большое количество стенограмм бесед и воспоминаний рабочих, однако отдельных упоминаний о переходе на непрерывную неделю найти в этом фонде не удалось. Можно было бы предположить, что это молчание вызвано опасениями говорить открыто в присутствии партийных работников. Все же проект “История фабрик и заводов” был предельно официальным, все записи велись с целью дальнейшего использования и публикации. Однако помимо достижений рабочие вспоминают и провалы, и сложности, так что эта логика представляется не вполне работающей.

Люди, не связанные напрямую с производством, также нечасто отводят место для непрерывной недели в своих воспоминаниях. Так, искусствовед М.Ф. Косинский, посвятивший значительный фрагмент периоду 1929–1930 гг., не говорит ни слова о новом графике. В подробнейшем дневнике Л.В. Шапориной находим

лишь одну строку о НПН: “А.Н. говорил о том, что все это, включая непрерывку и пятидневку, грандиозная провокация” (*Шапорина* 2012: 84). Даже не знаю, может ли подобная ремарка считаться упоминанием. Перечисление не говорящих о НПН мемуаров можно продолжать довольно долго, но остановимся на приведенных выше текстах и будем считать их молчание таким же материалом, как и данные из всех остальных источников. Авторы воспоминаний совершенно точно являлись свидетелями реформы, однако не посчитали нужным рассказать о ней. Попробуем предположить, почему.

Выше мы обозначили действия, предпринимаемые в ответ на изменение обычной повседневности, вероятно, большая часть их — это практики приспособления людей к неудобной действительности. Очевидно, нововведение не было отражено, были сразу же запущены механизмы, восстанавливающие нарушенный баланс, позволяющие ускользнуть от дисциплины (*Серто* 2013: 191–192). Такое “ускользание” не обязательно означает протест, связанный с нежеланием работать, это, скорее, бессознательное неприятие новой навязанной системы или встраивание ее в привычные категории. Благодаря этим механизмам, видимо, одномоментный сдвиг социального времени остался в ряде случаев неотраженным. Так, привлекавшиеся к беседам Комиссией Истпарта или писавшие по ее заказу мемуары часто отмечают: “...работали так, что не замечали времени”, рассказывают о бесконечной единой трудовой деятельности, не разделенной графиком⁸. Интересны в этом контексте и замечания стороннего наблюдателя. О.А. Толстая-Воейкова в своих письмах рассказывает о том, что ее сын, Д.Д. Воейков, работавший на заводе “Красный выборжец”, дневал и ночевал на работе. “10 марта 1929 <...> Дима работает, несмотря на воскресенье”; “Май <...> Дима очень мало бывает дома. Работа задерживает до 7–9 часов”; “17/4 декабря 1929 <...> А Дима иногда возвращается в 11 вечера...” (*Толстая-Воейкова* 2005: 335, 364, 427). Неоднократно она отмечает, что он воодушевлен и, хотя кажется очень уставшим, работает так добровольно. Социальное время явно было уже деформировано, однако никто из авторов этих материалов, кажется, не считает, что изменения спущены сверху. Скорее, из текстов следует, что все это было частью масштабного процесса по переустройству общества, т.е. те самые “коллективные представления”, продуктом которых является, согласно теоретикам, социальное время, начали изменяться.

Отказы от НПН или попытки аргументированного возвращения к прежнему графику имели место, но не были единственным видом реакции. В отчете о результатах обследования предприятий, проведенного в сентябре 1929 г., есть такой фрагмент:

Нельзя не отметить тот факт, что на некоторых строительствах ИТР (инженерно-технические работники. — *Примеч. М.Ю.*) не проявили никакого интереса к непрерывке, держатся нейтрально и подчинились переходу на НПН, как приказу. Это объяснимо слабой работой местных общественных организаций, а отчасти тем, что на строительстве ИТР, число которых крайне ограничено, редко умеют пользоваться выходными днями (ГАРФ 1. Д. 2. Л. 1).

Здесь опять речь идет о том же, о чем часто вспоминали ленинградские рабочие: отсутствие выходных для определенной категории людей было хотя и странной, но нормой. Новый график был воспринят частью общества как должное, как продолжение уже начавшихся процессов. Неудобства, вызванные им, разрешались ситуативно, в частном порядке. Квалифицированные специалисты и ответственные рабочие часто “не умели пользоваться выходными днями”, другие же без особых затруднений приспособивали новый график к своим нуждам, прогуливая. Организации массового досуга не способны были проконтролировать рабочих в свободное время (им точно так же, как и предприятиям, не хватало человеческих и материаль-

ных ресурсов), поэтому люди, благополучно “браконьерствуя” и производя собственную реальность (*Серто* 2013: 42), “просачивались” сквозь, казалось бы, плотную сетку вводимого графика.

Наиболее успешными “браконьерами” в новом мире неожиданно оказались так наз. религиозники. Судя по тому, что реакции представителей разных конфессий укладываются в одну схему, они проявили себя как отдельное сообщество, сконструировав свой вариант приспособления к ситуации. Значительное количество данных свидетельствует о том, что как раз религиозные организации быстрее всего сориентировались и перешли на непрерывную неделю:

В Красно-пресненском районе в Москве баптисты, имеющие сторонников на нескольких предприятиях, сумели добиться единого выходного дня для всех участников их молитвенных собраний и самые эти собрания перевели на пятидневку (*Зеренинов* 1930: 23).

Есть опасение, что попы, следуя духу времени, перейдут на непрерывку. Однако это не так просто для них: в эти дни и выпить не с кем — нет компании, т.к. большинство рабочих работает (*Лященко* 1930: 13).

Несмотря на то, что в Орехово-Зуевском районе вообще на непрерывку перешло около 30% рабочих, а затем предполагалось перевести остальную часть, культурно-просветительские организации, советские и общественные, на непрерывную производственную неделю до сих пор фактически не перешли. Наоборот, православная церковь, по заявлению рабочих, приспособилась к условиям ломаных смен” (*Стенограмма* 1930: 64).

Непрерывка создала, вернее, должна была создать единый, ровный поток времени с точки зрения производства, но с точки зрения участников процесса ритм был как раз полностью разрушен. Это вызвало лишь расслоение в обществе, выявив две противоположные стратегии поведения. В новом, “пустом” социальном времени, с нечеткой его сегментацией, с уменьшением роли ответственности на работе и ослаблением социальных взаимодействий, когда терялась связь с настоящим, определить свое место на социальной карте становилось все сложнее. Если добавить к тому же, что “старый быт” (традицию) нужно было предать забвению, то человек лишался и символического прошлого. Необходимо было каждый раз создавать практически заново общий фон коммуникации, высчитывая даты отдыха, вспоминая графики и расписания своих друзей и знакомых, пытаясь их сопоставить:

“Непрерывка” превратила жизнь в настоящий кошмар. Люди потеряли возможность встречаться друг с другом, а главное — совершенно нарушилась нормальная жизнь семьи. Дело в том, что каждое учреждение устанавливало свой выходной день. В результате члены семьи практически почти не виделись, потому что если мать была свободна в понедельник, то отец отдыхал во вторник или в среду, а дети в пятницу. Не стало такого дня, когда семья могла бы собраться вместе, куда-то пойти, просто пообщаться, наконец. По этому поводу возник двусмысленный афоризм: “Пятидневка — это когда не все дома!” (Неизданные мемуары).

Скончалась и сама размеренная неделя, теперь натеснилась “непрерывка-пятидневка”, члены семьи — выходные в разные дни, а общее воскресенье упразднили... “Время — вперед!” так покатило, что потеряло лицо и как бы само перестало быть (*Солженицын* 1995).

На поверхность вышла ранее скрытая потребность человека в общем с его сообществом времени отдыха. Рациональное распределение людей по дням (для того чтобы не было толп в кинотеатрах и клубах, для того даже, чтобы выходных стало больше) не сработало, т.к. функция единого регулярного дня отдыха оказалась

шире, чем просто восстановление сил. Часто в материалах попадаются жалобы на то, что “праздника не чувствуется”, освобожденный от работы день не мог заменить его.

Введение непрерывной недели уничтожило “праздники” — дни общего отдыха. Исчезли прежние воскресные дни, когда в городе прекращалась торговля, ослабевало движение и т.д. Сейчас наша жизнь сплошной будень. Дни отдыха — (каждый пятый день) — хотя и часты, но ими пользуются, может быть, только рабочие и низшие служащие. У нашего брата фактически дней отдыха почти не бывает. Редко в какой квартире дни отдыха совпадают. Сплошной будень — тусклый и однообразный — вот, что дала обывателю непрерывка (цит. по: *Флейшман* 2006: 254).

Очевидно, в противоположность пока не насыщенному символически, сплошному времени, в котором люди либо терялись, либо захлебывались работой, привычное воскресенье получило дополнительный вес. Проблема стала настолько серьезной, что ради уравнивания в правах на случайный выходной в воскресенье всех рабочих решено было ввести прерывную пятидневку там, где объективно невозможно было использовать непрерывку. Отрывок, приведенный ниже, относится к этапу дискуссий вокруг реформы, когда количество дней в непрерывной неделе еще можно было обсуждать и варьировать. Один из руководителей объясняет необычную ситуацию на предприятии:

Установлена семидневная неделя с выходным днем через шесть дней на седьмой. При такой системе одна группа рабочих имеет все выходные дни в воскресенье. В связи с тем, что это вызвало недовольство среди других групп рабочих, заводоуправление вынуждено было произвести ломку смен, причем рабочие стали получать выходные дни в одних случаях через 4 и 5 дней, а в других — через 7 и 8 дней (Ряд промахов 1929: 2).

Обратим внимание, что люди жаловались не на длинную рабочую неделю (в данном случае не отличавшуюся от традиционной), не на условия труда, а на то, что кому-то позволено было сохранить за собой право отдыхать в воскресенье. Очевидно, недовольство было настолько сильным, что руководство вынуждено было перекроить графики, чтобы ни одной из групп *не досталось* воскресенье. В этом случае для тех, кто работал прерывно, оно также переставало играть прежнюю роль, что должно было уменьшить раздоры. Документы часто свидетельствуют о том, что выходной в воскресенье становился предметом зависти тех, у кого он выпадал на иные дни недели:

Переход на непрерывную неделю создал большие затруднения в том отношении, что одни группы получают выход в понедельник, другие — в другие дни отдыха. Это вызывает большие сопротивления со стороны сезонников и вполне понятно часто протестуют, почему, мол, они всегда гуляют воскресенья, а мы должны всегда в понедельник. Вообще товарищи ломка была очень трудная поэтому мы имеем такие аляпсусы, что на одном участке у нас сорвали непрерывную неделю в одно воскресенье, приблизительно 25% из перешедших на непрерывную производственную неделю не вышли, а в следующее воскресенье совсем не вышли (ГАРФ 1. Ед. хр. 5. Л. 141).

Здесь мы вновь видим, что проблема не в количестве работы, а в попытке отстоять свое право на воскресенье — жалобами или просто отказываясь приходить. Встречаются и такие попытки избежать обвинений в прогулах: “В строительном цехе прогульщики было приспособились: воскресенье самовольно прогуляют, а в свой день отдыха *самовольно выходят на работу*” (*Громов* 1929: 33; курсив мой. — *М.Ю.*). Тенденция коснулась и непромышленных структур: “В учреждениях и управленческих аппаратах в Москве с введением непрерывки наблюдаются следу-

ющие ненормальности: в воскресные дни чувствуется ненагруженность в работе; в Хамовническом союзе жил. тов. в первое время сотрудники и в особенности техники по воскресеньям не являлись на работу” (ГАРФ 1. Д. 2. Л. 207). Казалось, люди считали, что имеют на это полное право, даже резкое падение производительности никого не смущало: “Особенно сильны прогулы в воскресные дни. Так, в первое воскресенье со дня введения непрерывки на работу вышли 18 забойщиков, которые дали 25 тонн угля, в третье воскресенье явилось уже только 7 забойщиков, причем выдача угля в смену понизилась с 85 тонн до 10” (ГАРФ 1. Д. 2. Л. 8).

Воскресенье как привилегия осознавалось, очевидно, не только рабочими. Руководство часто разделяло стремление людей заполучить обратно свой праздник: «Завшахтой инженер Друшель срывает осуществление реформы тем, что допускает к работе шахтеров в их выходные дни: это для того, чтобы “рабочий мог отдохнуть в воскресенье”» (ГАРФ 1. Д. 2. Л. 8). Такое единодушие рабочих и руководства еще более подчеркивает в некотором смысле неожиданный эффект непрерывной недели. Ее введение выявило устойчивую необходимость единого для всех регулярного выходного дня. Общество отстаивало свое право на отработанный ранее ритм всеми способами, вплоть до согласия работать больше, но иметь выходной в “правильное” время. Возможно, сильное давление сверху и более настойчивое проведение в жизнь реформы через много лет уничтожили бы воспоминания о воскресеньях. Предположу, что результатом этого стало бы изменение структуры общественных взаимоотношений: скорее всего, внутренние коммуникации локализовались бы в пределах пяти “бытовых групп”. Однако в сложившейся ситуации общей растерянности система довольно успешно и согласованно отстаивала свой ритм, результатом чего и стал небывалый рост символической значимости воскресенья.

Изменения не успели зайти далеко. 23 июня 1931 г. И.В. Сталин на съезде хозяйственников выступил с речью “Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства”. Одним из условий развития промышленности была названа ликвидация так наз. обезлички, т.е. отсутствия всякой ответственности за порученную работу, за механизмы, станки и инструменты. Причиной тому сочли неверную трактовку идеи непрерывной рабочей недели. 21 ноября 1931 г. постановлением СНК СССР “О прерывной производственной неделе в учреждениях” непрерывная пятидневная неделя частично заменяется прерывной шестидневной неделей с фиксированным выходным (6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца). В режиме пятидневки решено было оставить лишь учреждения, обслуживавшие предприятия. Фиксированный выходной, по всей видимости, разрешил большую часть проблем. В дневниках современников “пятидневки” и “шестидневки” в середине—конце 1930-х годов упоминаются уже привычно и вскользь для обозначения отрезка времени (наравне с “неделей”).

Подавляющее большинство людей, судя по всему, не увидели в реформе социального времени того смысла, который в нее был заложен, однако изменения начали происходить на глубинном уровне. Повреждены были структуры, за которые, очевидно, отвечает общий для всех ритм социальной жизни. Воздерживаясь здесь от экономических и моральных оценок реформы, с большой долей уверенности можно утверждать, что этот эксперимент, который вряд ли кто-либо когда-либо еще сможет себе позволить, дает возможность нам немного расширить представления о восприятии человеком хода времени.

Примечания

¹ Мендельсон Н.М. Дневник // Электронный корпус дневников “Прожито”. 1929 г. 28/IX. <http://prozhitto.org/notes?keywords=%5B%22%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%80%D1%8B%D0%B2%D0%BA%D0%B0%22%5D>

² См.: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=list>

³ См.: <http://prozhito.org>

⁴ См.: Материалы Правительственной комиссии по вопросам прерывной и непрерывной рабочей недели // ГАРФ. Ф. 7059. Оп. 1. Д. 5, 6, 11, 14.

⁵ См., напр., газеты “Правда”, “Экономическая жизнь”, “Красная газета” и др. за июль 1929 г.

⁶ До сентября 1929 г. проводились разные эксперименты с количеством дней в непрерывном цикле. Рассматривались варианты с графиками от трех до восьми дней.

⁷ См.: ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 12, 18.

⁸ См.: ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 284. Л. 2; Оп. 6. Д. 222. Л. 7; Оп. 18. Д. 490. Л. 130об. и др.

Источники и материалы

Амурский 1930 — *Амурский И.* За пятидневку. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.

Бак 1929 — *Бак С.* Что такое усталость? // *Безбожник*. 20.10.1929.

Васильев 2003 — *Васильев Б.Л.* Век необычайный. М.: Вагриус, 2003.

ГАРФ 1 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7059. Оп. 1.

ГАРФ 2 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 89а.

Громов 1929 — *Громов А.* Два завода: “Серп и молот” и “Клейтук”. М.; Л.: Государственное издательство, 1929.

Дьяконов 1995 — *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995.

Зеренинов 1930 — *Зеренинов А.* Непрерывка и общественная работа. М.: Госиздат РСФСР, 1930.

Крайнюк 1930 — *Крайнюк З.* Попы и сектанты против непрерывки // Непрерывное производство и религия. М.: Акц. изд. о-во “Безбожник”, 1930. С. 27–30.

Кремлев-Свэн 1930 — *Кремлев-Свэн И.* Две беседы о непрерывной неделе: Для политчаса в школах ликбеза. М.: Государственное издательство, 1930.

Ларин 1929а — *Ларин Ю.* Улучшим организацию непрерывки // *Правда*. 10.12.1929.

Ларин 1929б — *Ларин Ю.* Непрерывное производство. Тезисы для докладчиков и актива // *Экономическая жизнь*. 16.07.1929.

Лященко 1930 — *Лященко И.И.* Непрерывка и что она дает рабочему классу. М.: Гострудииздат, 1930.

Массы 1930 — *Массы* о работе по-новому (из разговоров в цехе) // *Правда*. 13.01.1930. С. 4.

Неизданные мемуары — *Неизданные мемуары* анонимной современницы событий. Любезно предоставлены В.А. Березиной.

НПН 1930 — Непрерывная производственная неделя. Постановления правительства и правительственной комиссии при СТО. М., 1930.

Стенограмма 1930 — Непрерывная производственная неделя. Стенограмма 1-го Всесоюзного совещания (11–12 декабря 1929 г.). М.: Отдел печати и информации СНК СССР и СТО, 1930.

Олещук 1929 — *Олещук Ф.* Безбожники, пропагандируйте непрерывную производственную неделю // *Безбожник*. 15.09.1929.

Переход 1929 — *Переход* // *Правда*. 5.12.1929.

Пришвин 2004 — *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. М.: Русская книга, 2004.

Раевский 2005 — *Раевский С.П.* Пять веков Раевских. М.: Вагриус, 2005.

Ряд промахов 1929 — Допущен ряд промахов // *Экономическая жизнь*. 05.10.1929. С. 2.

Сарабьянов 1929 — *Сарабьянов Вл.* Непрерывная неделя и быт // *Безбожник*. 15.09.1929.

Скрябина 1994 — *Скрябина Е.А.* Страницы жизни. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Собрание узаконений 1930 — *Собрание узаконений и постановлений* рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1930.

Солженицын 1995 — *Солженицын А.И.* Настенька // *Новый мир*. 1995. № 10.

Толстая-Воейкова 2005 — *Русская семья* в водовороте “великого перелома”. Письма О.А. Толстой-Воейковой 1927–1929 гг. СПб.: Изд. СПб ИИ РАН “Нестор-История”, 2005.

Флейшман 2006 — *Флейшман Л.* Об одном загадочном стихотворении Д. Хармса // *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. М.: НЛЮ, 2006.

- ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1355. Оп. 2. Ед. хр. 36.
- ЦГА СПб 1 — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1027. Оп. 1. Ед. хр. 88.
- ЦГА СПб 2 — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 6276. Оп. 15.
- Шапорина* 2012 — *Шапорина Л.В.* Дневник. Т. 1. М.: НЛЮ, 2012.
- Шейнман* 1930 — *Шейнман М.* Иностранная печать о непрерывной неделе // Непрерывное производство и религия. М.; Л.: Акц. изд. о-во “Безбожник”, 1930. С. 21–27.
- ЭЖ 1 — Экономическая жизнь. 05.10.1929.
- ЭЖ 2 — Экономическая жизнь. 10.09.1929.

Научная литература

- de Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Рольф М.* Советский массовый праздник в Воронеже и центрально-черноземной области России, 1927–1932. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.
- Chase W., Siegelbaum L.* Worktime and Industrialization in the USSR, 1917–1941. Philadelphia: Temple University Press, 1988.
- Foss C.* Stalin’s Topsy-Turvy Work Week // *History Today*. 2004. No. 54 (9). P. 46–47.
- Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y.: Oxford University Press, 1989.
- Zerubavel E.* The French Republican Calendar: A Case Study in the Sociology of Time // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. P. 868–877.
- Zerubavel E.* The Seven Day Circle: The History and Meaning of the Week. N.Y.: Free Press or Collier Macmillan, 1985.

Research Article

Yushmanova, M.I. Continuous Work Week: Outcomes of the Deformation of the Social Time Rhythm [Neprreryvnaia rabochaia nedelia: efekty deformatsii ritma sotsial'nogo vremeni]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 8–26. <https://doi.org/10.31857/S086954150005297-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maria Yushmanova | <https://orcid.org/0000-0003-1022-7172> | maria.uselmanova@gmail.com | independent researcher (St. Petersburg, Russia)

Keywords

Soviet calendar, social time, continuous work week, *neprreryvka*

Abstract

The article discusses the social reception of the continuous five-day work week introduced in the USSR in September, 1929. Industrial workers and white-collar workers had to be divided into five groups; each group had its own day-off, so that instead of a traditional week with one Sunday for everybody they had an unceasing cycle of four working days and one holiday. I presume that an attempt to deprive society of the unifying day caused major changes: erosion of the sense of responsibility, social stratification, and increase in symbolic significance of Sundays. All these revealed that the society had a clear need for one uniform holiday.

References

- Chase, W., and L. Siegelbaum. 1988. *Worktime and Industrialization in the USSR, 1917–1941*. Philadelphia: Temple University Press.

- de Certeau, M. 2013. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Practice of Everyday Life]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Foss, C. 2004. Stalin's Topsy-Turvy Work Week. *History Today* 54 (9): 46–47.
- Rolf, M. 2000. *Sovetskii massovyi prazdnik v Voronezhe i tsentral'no-chernozemnoi oblasti Rossii, 1927–1932* [Soviet Mass Festival in Voronezh and Tsentralno-Chernozyomnaya Oblast of the RSFSR]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Stites, R. 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Zerubavel, E. 1977. The French Republican Calendar: A Case Study in the Sociology of Time. *American Sociological Review* 42: 868–877.
- Zerubavel, E. 1985. *The Seven Day Circle: The History and Meaning of the Week*. New York: Free Press or Collier Macmillan.